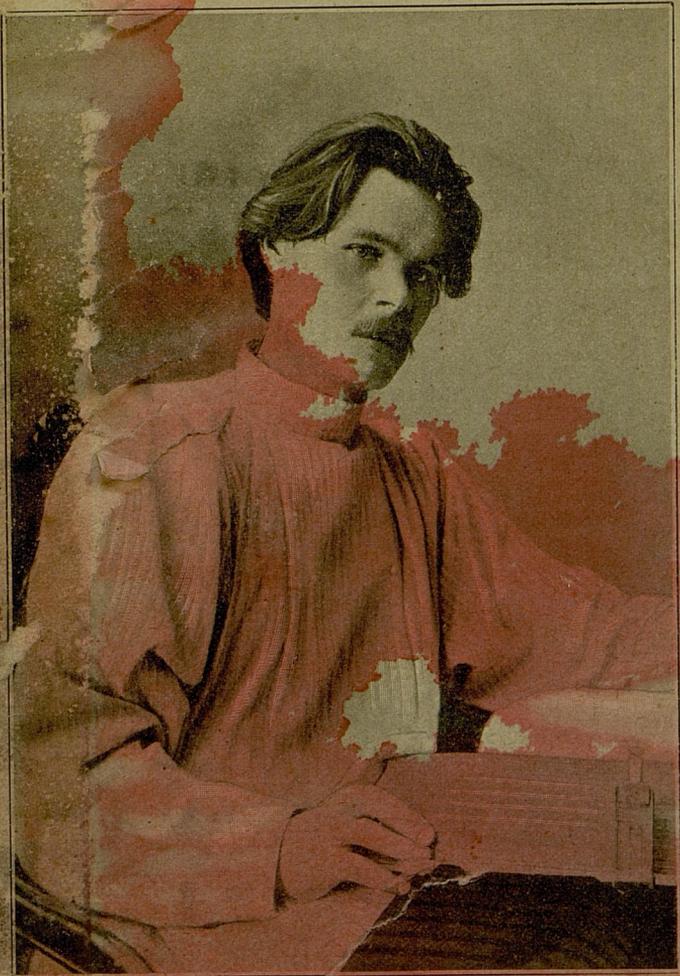

Два Рецензента
АЛЕКСѢЙ ПЛЕТНЕВЪ.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ.

(КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

9

Цена 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Складъ у книгопродавца *Ф. И. Митюрникова.*

Екатерининская, 4.

41

1871
1872

II-37113 p.

Б. Мезенберг

№ 2

АЛЕКСѢЙ ПЛЕТНЕВЪ.

Максимъ Торькій.

(КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Цѣна. 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание книгопродавца Ф. И. Митюрникова.

Екатерининская, 4.

2988

Б. И.

Дозволено цензурою С.П.Б. 1 Февраля 1902 года.

Максимъ Горькій.

„Les idées ont un courant qui entraîne même les populations les plus stagnantes“.

Lamartine.

I.

Семью писателей-беллетристовъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: писателей-„сочинителей“ и писателей-художниковъ. Первые пишутъ изъ тщеславія, отъ скуки, за гонораръ, или просто потому, что грамотны (и то не всегда). Вторые—гораздо малочисленнѣе—это писатели по призванію, которые не могутъ не писать, какъ птицы не могутъ не пѣть: для нихъ литература то же, что полотно для художника, инструментъ для музыканта: ею они выражаютъ свои мечты, страданія и надежды.

Къ послѣдней категоріи принадлежитъ и молодой писатель, уже пріобрѣтшій литературную извѣстность подъ псевдонимомъ *Максима Горькаго*.

Мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ молодого писателя, что самый фактъ его появленія изъ народной среды свидѣтельствуетъ о творческой силѣ русскаго духа,—въ то самое время, когда наши

петербургскіе космополиты, западники и всякаго рода „культурные нытики“, дающіе тонъ нашей разношерстной интеллигенціи, давно уже поставили крестъ на возможности нашего духовнаго возрожденія и національнаго роста, указывая, какъ на единственное для насъ спасеніе, на бессмысленное копированіе Запада. Въ этомъ направленіи развивалась и вся наша литература за послѣдніа двадцать лѣтъ, вскормленная стараніями редакторовъ-аферистовъ на одномъ подражаніи и переводахъ чуждыхъ русскому духу иностранныхъ писателей.

И вдругъ на берегахъ „многоводной Волги“,—этой щедрой кормилицы русской земли въ духовномъ и матеріальномъ смыслѣ,—загорѣлась яркая звѣздочка самобытнаго русскаго таланта. Видно, колыбель русской мощи, уже давшая намъ Некрасовыхъ и другихъ, не вполне еще разорена и обезличена разными новѣйшими „культуртрегерами“.

Биографія Максима Горькаго не входитъ въ задачу настоящаго очерка. Въ общихъ чертахъ она уже извѣстна читателямъ, да и рано еще заниматься ею. Талантъ не справляется съ формуляромъ человѣка и дается ему природой внѣ всякихъ соображеній съ его свѣтскимъ, служебнымъ или финансовымъ положеніемъ. Нужно только отмѣтить въ данномъ случаѣ тѣ невѣроятнотяжелыя обстоятельства, которыя выпали на долю дѣтства и юности М. Горькаго, не воспрепятствовавъ ему, однако, побѣдоносно выйти на широкую дорогу извѣстности.

До нѣкоторой степени эти обстоятельства не могли не оставить слѣда на его творчествѣ, лишивъ его широкой умственной перспективы; но они же, съ другой стороны, способствовали той свѣжести, той непосредственности его міровоззрѣнія, которыя ярко отпечатались на всѣхъ его произведеніяхъ и сдѣлали его столь инте-

реснымъ для изученія. Эти произведенія представляютъ уже и теперь цѣнный вкладъ наблюденій и художественной правды, взятой прямо съ натуры.

Только въ самое послѣднее время критика удостоила М. Горькаго своимъ вниманіемъ, не только у насъ, но и за границей. И слѣдуетъ сейчасъ же отмѣтить, что заграничные критики отнеслись гораздо внимательнѣе и сочувственнѣе къ Максиму Горькому, нежели наши. Наша критика, въ лицѣ ея нынѣшнихъ представителей, такъ свыклась съ выгоднымъ и приятнымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, что появленіе новаго таланта, надъ которымъ слѣдовало задуматься, изучить его и анализировать,—представилось ей фактомъ и неприятнымъ, и тревожнымъ. Господа „присяжные критики“, которыхъ излишне называть—*nomina sunt odiosa*—порѣшили-было, по удававшемуся имъ столько разъ приему, „семейно замолчать“ новоявленный талантъ: авось либо никто его и не замѣтитъ! Но на этотъ разъ уловка не удалась. Произведенія Горькаго стали появляться въ переводахъ на всѣхъ языкахъ; западная критика уже громко заговорила о немъ. Вслѣдъ за этимъ появились нѣкоторые критическіе очерки и у насъ, очерки большею частью слабые, нерѣшительные, съ большой оглядкой, какъ бы себя не скомпрометировать. Молодежь взялась за дѣло съ большимъ жаромъ: къ такимъ критическимъ попыткамъ можно отнести трудъ В. О. Боцяновскаго, Д. Н. Вергуна и другихъ. Въ своемъ разборѣ произведеній Горькаго, въ „Revue des deux Mondes“, французскій критикъ Мельхиоръ де-Вогюэ приходитъ къ заключенію, что успѣхамъ своимъ, помимо таланта, Горькій обязанъ своими тенденціями, протестующими противъ того, что во Франціи называется

„буржуазіей“, а у насъ замѣняется чиновничествомъ, мѣщанствомъ и вообще канцелярскимъ и идейнымъ формализмомъ. Наврядъ ли, однако, такая оцѣнка правильна. Противъ чиновничества и мѣщанства писали у насъ давно гениальные писатели, и можно сказать, что тема эта до нѣкоторой степени исчерпана. Кромѣ того, нельзя по произведеніямъ Горькаго сказать, что онъ пришелъ къ какому-нибудь положительному заключенію. Протестъ, безъ сомнѣнія, есть въ немъ, но протестъ гораздо болѣе широкій, относящійся не къ тому или другому сословію, а къ существующимъ формамъ жизни вообще. Этотъ горячій протестъ, подкрѣпленный примѣрами вольной жизни, но не направленный съ предвзятой мыслью противъ тѣхъ или другихъ лицъ, противъ тѣхъ или другихъ учреждений, — какъ дѣлали и дѣлаютъ наши газетные и салонные „либералы“, — представляетъ именно тотъ чарующій элементъ, которымъ и проникнуты его произведенія. Мнѣ сдается, что господа „марксисты“ или „народники“, которые желали бы во что бы то ни стало уловить Горькаго и насильно присоединить къ своему міровоззрѣнію, могутъ сильно разочароваться въ немъ и бесполезно потратить время, истолковывая его въ любезномъ для нихъ смыслѣ. Онъ самъ говоритъ: „чувства объединяющаго, стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни, я не нашель въ себѣ“...

II.

Разсмотримъ, для перваго знакомства съ интересующимъ насъ писателемъ, самое большее по объему его произведеніе: повѣсть „Оома Гордѣевъ“. Говорять,

что какой-то „драматическихъ дѣлъ мастеръ“ собирается „окрылить“ это произведеніе, т.-е. извлечь изъ него театральную пьесу. Можно напередъ сказать, что изъ этой попытки ничего не выйдетъ хорошаго. Названная повѣсть — этюдъ, не представляющій никакихъ данныхъ для драматическаго дѣйствія, кромѣ развѣ трактирнаго дебоша, которымъ и безъ того переполненъ нашъ театральнй репертуаръ. Ома Гордѣевъ — такой же бытовой этюдъ, какъ „Дворянское гнѣздо“, „Обломовъ“ и тому подобныя литературныя произведенія. Разница въ томъ, что предметомъ наблюденія автора является бурная купеческая среда въ самомъ горячемъ мѣстѣ ея дѣятельности — на Волгѣ.

Фабула повѣсти не сложная: Игнатъ Гордѣевъ выдвинулся изъ простыхъ людей въ миллионщики. Все его огромное состояніе, послѣ смерти, переходитъ къ единственному сыну Омѣ. Ома, — характеръ котораго и составляетъ все содержаніе повѣсти, — представляетъ собой родъ купеческаго Гамлета, *ищущаго суть жизни* и ничѣмъ не удовлетвореннаго. Онъ то кутитъ напрапалую, то ищетъ въ уединеніи душевнаго спасенія, и въ концѣ концовъ сходитъ съ ума.

Не будь художественнаго отношенія къ этой банальной темѣ, какое проявилъ М. Горькій, — произведеніе это попало бы въ разрядъ многочисленныхъ описаній купеческаго безпутства. Но читатель съ первыхъ же страницъ подкупленъ не только выпуклостью типовъ и образовъ и своеобразностью языка, — какимъ блещутъ вообще всѣ произведенія Горькаго, — но и тѣмъ „нѣчто“, которымъ, какъ легкимъ туманомъ, окутаны всѣ его герои и которое направляетъ нашу мысль въ какую-то недосыгаемую даль *новаго* человѣческаго устройства. Мнѣ кажется, что этотъ даръ — уносить читателя въ

даль — составляет характерную черту таланта Горькаго. Онъ не опредѣляетъ цѣли, къ которой стремится не перестраивать общественнаго зданія; но, обнаруживая неприглядную дѣйствительность, показывая не мировую скорбь, а мировую ложь, — невольно подкупаетъ и располагаетъ къ этой средѣ, гдѣ если не дѣла, то, по крайней мѣрѣ, слова отдають правдой, мощью, надеждой на лучшее будущее.

Но вернемся къ нашей повѣсти. Съ первыхъ же строкъ Горькій яркими красками рисуетъ положительный типъ Игната Гордѣева: „богатырски-сложенный, красивый и неглупый, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ всегда и во всемъ сопутствуетъ удача — не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорѣе потому, что, обладая *огромнымъ запасомъ энергiи*, они на пути къ своимъ цѣлямъ не умѣютъ, даже не могутъ задумываться надъ выборомъ средствъ и, помимо своего желанія, не знаютъ иного закона“. Во всѣхъ произведенiяхъ Горькаго мы встрѣчаемся съ такими положительными, энергичными типами, составляющими почти новинку въ русской литературѣ. Вспомните тургеневскихъ, гончаровскихъ героевъ, — всѣ эти нерѣшительные, рефлективные типы, неспособные ничего создать, — и вы съ невольною радостью отдохнете на описанiи новыхъ русскихъ типовъ, полныхъ воли, хотя бы эти типы и были взяты изъ низшихъ, „некультурныхъ“ слоевъ общества.

Весь типъ Игната, этого умнаго самодура, очерченъ мастерски г. Горькимъ. Въ немъ соединяется русская смѣтка, искренняя религiозность, нѣжные семейные чувства съ самымъ плотояднымъ эгоизмомъ, дикимъ буйствомъ и презрѣнiемъ ко всему человѣчеству. „На людей не надѣйся... многого отъ нихъ не жди...

мы всё для того живемъ, чтобы взять, а не дать“... Такова житейская мораль Игната. Сцена его смерти— одна изъ самыхъ удачныхъ, какія только можно встрѣтить въ литературѣ на эту тему. Кстати замѣтимъ, что М. Горькій, довольно часто описывающій этотъ послѣдній актъ жизни, изображаетъ его замѣчательно реально, безъ всякой сантиментальности, отчего и впечатлѣніе получается сильное. Другой типъ, выведенный въ повѣсти, это крестный отецъ Оомы. Онъ до того реально нарисованъ съ своими передвигающимися на высококомъ лбу морщинами, съ вѣчными прибаутками и всей своей юркой фигурой, что прямо видишь его передъ собой. Авторъ достигаетъ такой рельефности въ своихъ типахъ не только художественнымъ описаніемъ ихъ внѣшности, но умѣніемъ поставить ихъ передъ читателемъ въ характерные моменты и позы.

...„Морщины на лицѣ его играли: длинный хищный носъ вздрагивалъ, и голосъ дребезжалъ нотами какого-то азарта и умиленія.—„Теперь поглядимъ на это дѣло съ другого бока, кто больше всѣхъ въ пользу бѣдныхъ жертвуетъ на всѣ эти дома, пріюты, богадѣльни? Жертвуютъ богатые люди, купцы, купечество наше... Хорошо-съ! А кто жизнью командуетъ и устраиваетъ ее? Дворяне, чиновники и всякіе другіе *не наши* люди... Отъ нихъ и законы, и газеты, и науки—все отъ нихъ. Раньше они были помѣщиками, теперь земля изъ-подъ нихъ выдернута — они на службу пошли... Ладно! Но кто, по нынѣшнимъ днямъ, самые сильные люди? Купецъ въ государствѣ — первая сила, потому что съ нимъ — миллионы!..“ Я цитирую это мѣсто, чтобъ показать, какими сильными, ясными словами, вложенными въ уста своихъ героевъ, М. Горькій умѣетъ

ихъ очертить. А вотъ другой примѣръ — журналистъ Ежовъ.

„Его снова какъ-то передернуло, точно всѣ жилы и мускулы его вдругъ напряглись, и снова онъ забѣгалъ по комнатамъ въ кипучемъ возбужденіи.

„— Самодовольный человѣкъ — это затвердѣвшая опухоль на груди общества... это мой заклятый врагъ. Онъ набиваетъ себя грошовыми истинами, обгрызенными кусочками затхлой мудрости, и существуетъ, какъ чуланъ, въ которомъ скупая хозяйка хранить всякій хламъ, совершенно ненужный ей, ни на что негодный... Дотронешься до такого человѣка, отворишь дверь въ него, и на тебя пахнетъ вонью разложенія, а въ воздухъ, которымъ ты дышешь, вольется струя какой-то затхлой дряни... Эти несчастные люди именуются людьми твердыми духомъ, людьми принциповъ и убѣжденій... и никто не хочетъ замѣтить, что убѣжденія для нихъ — только щтаны, которыми они прикрываютъ нищенскую наготу своихъ душъ. На узкихъ лбахъ такихъ людей всегда сіяетъ всѣмъ извѣстная надпись: спокойствіе и увѣренность — фальшивая надпись! Потри лбы ихъ твердой рукой, и ты увидишь истинную вывѣску — на ней изображено: ограниченность и туподушіе“!..

Внутренняя душевная трагедія Оомы Гордѣева состоитъ въ томъ, что онъ унаслѣдовалъ милліоны, не имѣя къ нимъ никакого реального отношенія. Онъ совершенно не уяснилъ себѣ, какимъ трудомъ или удачей эти деньги были нажиты отцомъ, и въ этомъ привилегированномъ положеніи его поражаетъ только то, что онъ пользуется такими средствами въ то время, какъ вокругъ него люди жертвуютъ жизнью за гроши. Онъ не могъ понять, изъ-за чего это люди хдопочутъ, когда онъ, при всемъ своемъ богатствѣ, чувствуетъ тоску и скуку. Типъ

Оома, съ этой точки зрѣнія,—т.-е. какъ богатаго купеческаго наслѣдника, лишеннаго алчнаго чувства наживы, — которымъ только и существуетъ необразованное купечество, — безъ сомнѣнія, очень интересный типъ и мастерски разработанъ М. Горькимъ. Но, при всѣхъ своихъ стремленіяхъ къ чему-то высшему, лучшему, — Оома Гордѣевъ не можетъ вызвать симпатіи.

Этотъ купеческій неудачникъ, не будучи въ состояніи сдѣлать ни одного сознательнаго шага въ сторону добра, все-таки успѣваетъ въ своемъ кругу выказаться полнѣйшимъ „саврасомъ“. Въ общемъ, только такимъ и можетъ вылиться купеческій Гамлетъ, если снять съ него ореолъ миллионъ. Въ этой борьбѣ съ противорѣчіями Оома Гордѣевъ сходитъ съ ума и этимъ примиряетъ читателя со своими бесполезными исканіями „смысла жизни“.

Но какая же мораль этого произведенія?—быть можетъ, спроситъ читатель, прочтя повѣсть до конца.

А та, что правда жизни—не въ практичныхъ и сильныхъ Маякиныхъ, а также и не въ сомнѣвающихся безхарактерныхъ Гордѣевыхъ. Правда—гдѣ-то въ таинственной дали, о которой мы уже говорили и которую, М. Горькій имѣетъ желаніе идеально обозначить одними легкими, поверхностными штрихами... Она уже чувствуется въ порицаніи зла.

III.

Талантъ Горькаго особенно ярко выступаетъ въ его маленькихъ разсказахъ, стяжавшихъ ему славу „пѣвца босаяковъ“. По прочтеніи его произведеній, закрадывается мысль о новомъ мѣрѣ какихъ-то сильныхъ людей,

до сихъ поръ намъ неизвѣстныхъ, но живущихъ на всемъ пространствѣ русской земли.

Наши „интеллигенты“ встревожились. Покуда они предавались пустымъ словоизверженіямъ и спорамъ о преимуществахъ „марксизма“, „неомарксизма“, „народничества“ и другихъ теорій, долженствующихъ „обновить“ нашъ общественный строй—тутъ подъ бокомъ у нихъ успѣло вырасти цѣлое поколѣніе,—людей съ несомнѣнно цѣльнымъ міросозерцаніемъ.

Вотъ, на примѣръ, діалогъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы украсть лошадь.

...„—Видишь ты,—вдругъ оживился уповающій,— не могу я не думать. Смотрю я на нее,—онъ махнулъ рукой на лошадь,—смотрю и понимаю; тоже и у меня была такая... Замухрышка она, а въ хозяйствѣ первый винтъ. У меня одно время даже пара была... Здорово я въ ту пору работалъ!

„— А что выработалъ?—кратко и холодно спросилъ Пляшинога.—Не люблю я этого въ тебѣ... Охачешь... *а къ чему?*...“

Или возьмите слѣдующій разговоръ о пользѣ грамотности въ разсказѣ „Кирилка“.

— „И вотъ мы спросимъ его: Кирилка! Скажи, какая польза въ грамотѣ и въ школахъ?—Кирилка вздохнулъ, почмокалъ губами и не сказалъ ничего.

„— Ну, вотъ ты грамотный,—строже заговорилъ земскій,— ты долженъ знать: лучше ли тебѣ жить оттого, что ты грамотный?

„— Всяко бываетъ,—сказалъ Кирилка, наклоняя голову еще ниже.

„— Да нѣтъ все-таки ты читаешь, Ну, что же: какая польза отъ этого для тебя?

„— Пользы, оно, конечно, нѣтъ, чтобы, значить,

прямо взять ее... Но ежели разсудить, то... учать, стало быть, въ пользу это имъ...

„— Кому—имъ?

„— Учителямъ, стало быть, земству, значить, и вообще“...

И тутъ мы наталкиваемся на протестъ.

Критика обвиняетъ Горькаго въ томъ, что онъ нарочно старается въ своихъ произведеніяхъ *унизить интеллигенцію* въ тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ лицахъ. Такъ, напр., онъ поступаетъ въ повѣсти „Варенька Олесова“, гдѣ выставляетъ нѣкоего приватъ-доцента въ жалкомъ и глупомъ видѣ. Но если въ этомъ и есть тенденція, расходящаяся съ практикой въ одиночныхъ случаяхъ, то въ общемъ,—въ суммѣ своихъ наблюденій и своего отрицанія,—Горькій, какъ намъ кажется, вѣрно отмѣтилъ современную роль этой интеллигенціи. Не нужно терять изъ виду, что онъ въ своихъ описаніяхъ придерживается склада нашей современной жизни въ провинціи, и нѣтъ сомнѣнія, что роль интеллигенціи въ ней или очень слаба, или далеко не отвѣчаетъ своему признанію. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно просмотрѣть въ газетахъ судебную или общественную хронику нашей провинціальной жизни... Сумма всѣхъ протестовъ и ощущеній, встречающихся въ произведеніяхъ Горькаго, наводитъ именно на мысль, что наша жизнь лишена объединяющей цѣли, что нѣтъ въ ней „духа зиждательнаго“... „По-тому—говоритъ Коноваловъ—выходить, что пока тамъ все это опредѣляется, челоуѣкъ все такъ же долженъ оставаться, какъ теперь... Нѣтъ, ты его сначала перестрой... Чтобы ему было свѣтло и нетѣсно на землѣ—вотъ чего добивайся для челоуѣка. Научи его находить свою тропу“...

Цѣль писательства, — по мнѣнію Горькаго, — та, чтобы „вызвать въ человѣкѣ спасительный стыдъ и жгучее желаніе создать *иныя формы бытія*“.

VI.

Прочитывая одно за другимъ произведенія М. Горькаго, мы убѣждаемся, что этотъ писатель принадлежитъ къ стану „писателей борцовъ“, сильно чувствующихъ и щедро одаренныхъ природою. Въ немъ не замѣтно ни усталости, ни душевной слабости. Рядомъ съ описаніемъ самыхъ низменныхъ реальныхъ сценъ, встрѣчаешь высокую и такую же реальную поэзію, навѣянную созерцаніемъ природы. Поля, лѣса, море, рѣки принимаютъ, въ описаніяхъ Горькаго, рельефность осязательныхъ художественныхъ картинъ. Особенно хорошо описываетъ онъ всегда Волгу, — эту жизненную артерію русской промышленности.

„Между ними величаво простерлась широкогрудная рѣка; безшумно, торжественно и неторопливо текутъ ея воды въ сознаніи своей неодолимой силы; горный берегъ отражается въ нихъ черной тѣнью, а съ лѣвой стороны ее украшаютъ золотомъ и зеленымъ бархатомъ песчаныя каймы отмелей и широкіе луга. То тутъ, то тамъ, по горѣ и въ лугахъ, являются селенія; солнце сверкаетъ на стеклахъ въ окнахъ избъ и на желтыхъ соломенныхъ крышахъ; сіяютъ въ зелени деревьевъ кресты церквей, лѣниво кружатся въ воздухѣ сѣрыя крылья мельницъ, дымъ отъ трубъ завода вьется въ небо густыми черными клубами. Толпы ребятишекъ, въ синихъ, красныхъ и бѣлыхъ рубашкахъ, стоя на берегу, провожаютъ громкими криками пароходъ, разбудившій

тишину на рѣкѣ, и изъ подъ колесъ его къ ногамъ дѣтей бѣгутъ веселыя волны и плещутъ на берегъ. Вотъ цѣлая куча ребятъ усѣлась въ лодку, и они снѣжно гребутъ на середину рѣки, чтобъ покачаться на волнахъ, какъ въ зыбкѣ. Изъ воды смотрятъ вершины деревьевъ, иногда цѣлыя купы ихъ затоплены разливомъ и стоятъ среди воды, какъ острова. Откуда-то съ берега тяжелымъ вздохомъ доносится заунывная пѣсня:—О-э... о-о-о еще-о разокъ!..—Всюду блескъ воды, всюду просторъ и свобода, весело-зелены луга и ласково-ясно голубое небо; въ спокойномъ движеніи воды чѣтся сдержанная сила; въ небѣ надъ ней сіяетъ щедрое солнце мая, воздухъ напоенъ сладкимъ запахомъ хвойныхъ деревьевъ и свѣжей листвы. А берега все идутъ навстрѣчу, лаская глаза и душу своей красотой, и все новыя картины открываются на нихъ“.

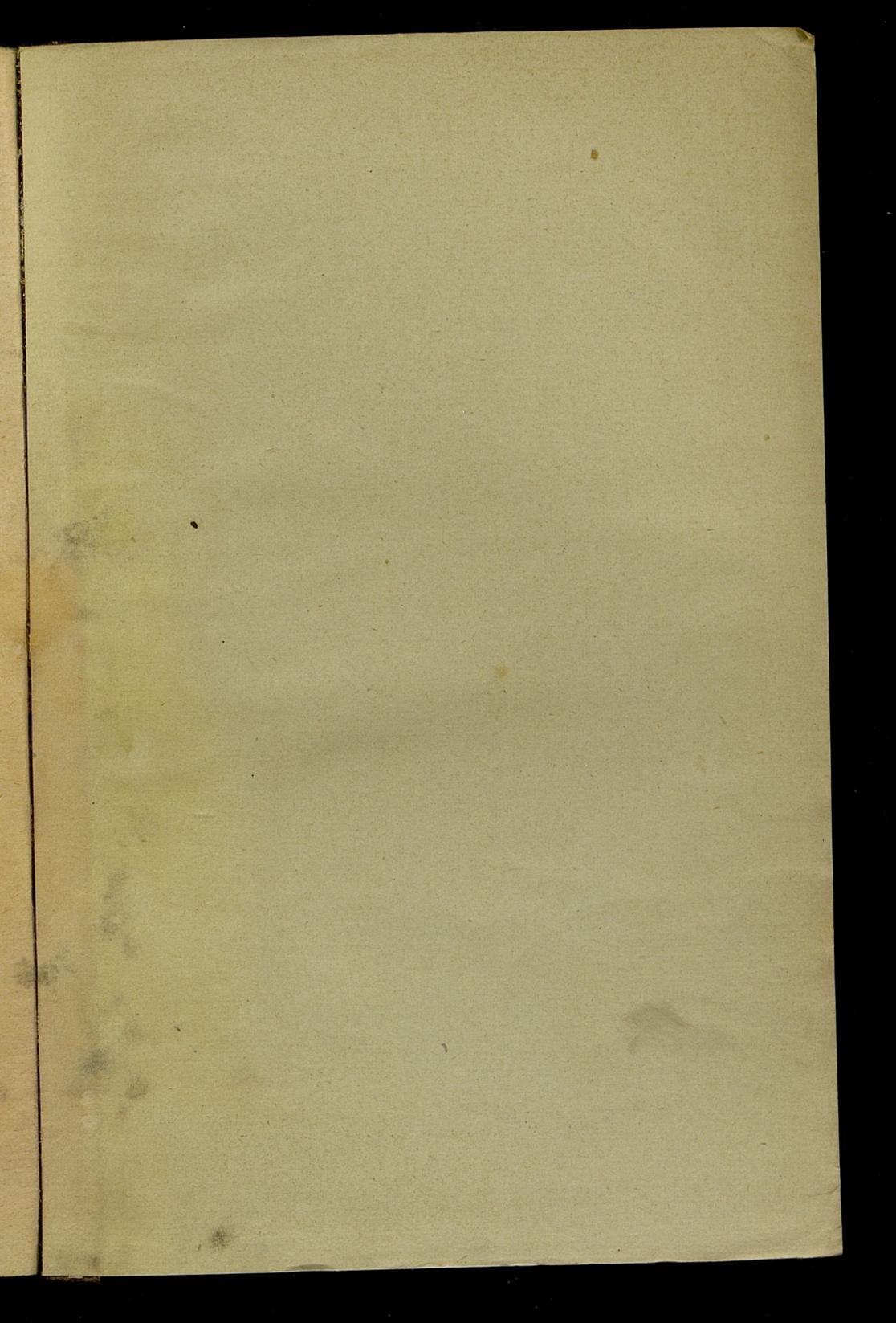
Такимъ описаніемъ Горькій несомнѣнно устанавливаетъ свое духовное родство съ великимъ художникомъ въ изображеніи русской природы—Гоголемъ. Но, тѣмъ не менѣе, невозможно найти въ русской литературѣ того образца, къ которому вплотную подошелъ бы Горькій. И въ этомъ заключается признакъ его большого таланта, его самобытности. Его трудъ составляетъ уже теперь „человѣчскій документъ“, относящійся къ цѣлому классу людей, рожденныхъ при извѣстныхъ—не только этнографическихъ, но и социальныхъ—условіяхъ матушки-Руси. Съ такой точки зрѣнія, этотъ трудъ, эти художественныя наброски представляютъ огромный интересъ для изученія психологіи русскаго народнаго организма, какимъ представляется онъ теперь.

Говорятъ, что Горькій „идеализируетъ“ описываемый имъ общественный слой. Мы этого не думаемъ. Безъ сомнѣнія, и среди этихъ людей есть „главари“;

есть и „быдло“, какъ во всякомъ обществѣ. До нѣ-
которой степени выведенные типы смахиваютъ болѣе на
„интеллигентный пролетаріатъ“, чѣмъ на подлинныхъ
„босяковъ“. Но кто можетъ ручаться, что оно не такъ
въ дѣйствительности, что ученье и свѣтъ не начина-
ютъ постепенно проникать съ верхушекъ въ глубокой
народный слой? Разказы Горькаго освѣтили внезапнымъ
лучемъ тотъ „темный народъ“, на который „интели-
генты“ привыкли смотрѣть, какъ на бездушную, почти
скотоподобную массу. Отсюда — и огромное впечатлѣніе
этого откровенія своего рода. Будемъ надѣяться, что
послѣдующая дѣятельность М. Горькаго внесетъ еще
много новаго свѣта въ это темное царство...

А. Плетневъ.

0-60

II-37113р.

Сочиненія А. П. Плетхева.

На чужбинѣ и дома. Цѣна 1 р. 50 коп.

Типы и картинки Парижской жизни. Ц. 1 р.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.